

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ.....	6
КНИГА ПЕРВАЯ.....	10
КНИГА ВТОРАЯ.....	88
КНИГА ТРЕТЬЯ.....	148
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.....	170
КНИГА ПЯТАЯ.....	206
КНИГА ШЕСТАЯ.....	232
КНИГА СЕДЬМАЯ.....	270

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Никколо Макиавелли (1469-1527) — итальянский философ, политик и государственный деятель эпохи Ренессанса, а также секретарь Флорентийской республики и автор «Государя» — знаменитой книги об управлении страной, которая принесла ему неоднозначную славу циника и манипулятора. Имя его стало нарицательным, а эпитет «макиавеллианский» нередко присваивали людям, чтобы осудить их и их взгляды. За аморальные высказывания и нападки на церковь труды Макиавелли вошли в самое первое издание «*Index Librium Prohibitorum*», вышедшее в 1564 году, — списка сочинений, запрещённых Католической Церковью.

В Новое и Новейшее время стало непросто встретить поистине образованного человека, который бы не читал трудов Макиавелли, но лишь единицы из них обладали достаточным мужеством, чтобы вставать на защиту его взглядов: английский учёный Фрэнсис Бэкон (1561-1626) высоко ценил его смелость; голландский мыслитель Бенедикт Спиноза (1632-1677) восхищённо одобрил намерение Макиавелли поучать тиранов, открыв в его лице республиканца; а Жан-Жак Руссо заимствовал у него ряд соображений о природе общественного договора, признав его «честным человеком и добрым гражданином». Несмотря на всю противоречивость этой фигуры, никто и никогда не оспаривал оригинальность философии Макиавелли, пронизательность мысли и изящество литературного стиля.

Трактат «О военном искусстве» (1521) — один из немногих трудов мыслителя, опубликованных при жизни. По форме он представляет собой разговор двух образованных флорентийцев в городском саду Орти Оричеллари, где собирались наиболее прогрессивные люди эпохи — гуманисты. Главным оратором здесь выступает Фабрицио Колонна, профессиональный кондотьер — наёмный полководец и выдающийся стратег, который берётся опровергнуть общепринятую точку зрения на возрождающуюся в северной Италии «античность» и моду на неё. По его мнению, древним следует подражать не в их «изяществе и мягкости нравов», но напортив, учиться к ним «суровости и силе». Большим поклонником книги Макиавелли «О военном искусстве» был выдающийся немецкий теоретик военного дела Карл Фон Клаузевиц (1780-1831).

Я считаю, что каждого человека по смерти его можно хвалить без стеснения, ибо тогда отпадает всякий повод и всякое подозрение в искательстве; поэтому я, не колеблясь, воздам хвалу нашему Козимо Ручеллаи, имени которого я никогда не мог вспомнить без слез, ибо познал в нем все качества, какие друг может требовать от друзей, а отечество — от гражданина.

Не знаю, дорожил ли он чем-либо настолько (не исключая и самой жизни), чтобы охотно не отдать этого для своих друзей; не знаю того предприятия, которого бы он устранился, если видел в нем благо для отечества. Заявляю открыто, что среди многих людей, с которыми я был знаком и общался по делам, я не встречал человека, душа которого

была бы более открыта всему великому и прекрасному.

В последние минуты он скорбел с друзьями о том, что ему суждено было умереть в постели молодым и неизвестным и что не исполнилось его желание принести всем настоящую пользу; он знал, что о нем можно будет сказать только одно — умер верный друг. Однако хотя дела его остались незавершенными, мы и другие, знавшие его хорошо, можем все свидетельствовать о высоких его качествах.

Действительно, судьба не была к нему настолько враждебна и не помешала ему оставить после себя некоторые хрупкие памятники его блестящего ума: таковы немногие его произведения и любовные стихи, в которых он, хотя и не был влюблен, упражнялся в молодые годы, чтобы не тратить времени понапрасну в ожидании, пока судьба направит его дух к мыслям более возвышенным. Стихи эти ясно показывают, как счастливо выражал он свои мысли

и каких вершин он мог бы достигнуть в поэзии, если бы всецело себя ей посвятил.

Теперь, когда судьба отняла у меня такого друга, мне осталось, как кажется, единственное утешение — радостно о нем вспоминать и повторять его меткие слова или глубокомысленные рассуждения. Самое живое воспоминание — это беседа его у себя в саду с синьором Фабрицио Колонна, во время которой названный синьор подробно говорил о войне, большей частью отвечая на острые и продуманные вопросы Козимо.

Я с несколькими общими друзьями присутствовал при разговоре и решил восстановить его в памяти, дабы при чтении друга Козимо, участники беседы, живее вспомнили о его талантах, а прочие пожалели о своем отсутствии и вместе с тем научились из глубокомысленных слов одного из замечательных людей нашего времени многому полезному не только

для войны, но и для гражданской жизни.

Фабрицио Колонна, возвращаясь из Ломбардии, где долго и с великой для себя славой сражался за короля-католика¹, будучи проездом во Флоренции, решил отдохнуть несколько дней в этом городе, чтобы посетить его светлость герцога² и вновь повидать некоторых дворян, с которыми был знаком раньше. Козимо счел нужным пригласить его к себе в сады, не столько для того, чтобы блеснуть перед ним роскошью, сколько для того, чтобы воспользоваться возможностью долгой беседы с ним и научиться у него разным вещам, которые можно узнать от такого человека, ибо ему представлялся случай провести день в разговоре о предметах, привлекательных для его ума.

Фабрицио явился на приглашение и был с почетом принят Козимо и его лучшими друзьями, среди которых были Заноби Буондельмонти,

¹ То есть за испанского короля Фердинанда II Арагонского.

² То есть Джулиано Медичи.

Баттиста делла Палла и Луиджи Аламанни — все молодые люди, ему близкие, страстно увлеченные теми же занятиями, как и он сам; умалчиваю об их прочих достоинствах, так как они ежедневно и ежечасно говорят сами за себя.

По обычаю времени и места Фабрицио был встречен с величайшим почетом. Когда после блестящего пира гости встали из-за стола, насладившись прелестями праздника, которым большие люди с их умом, постоянно устремленным на предметы возвышенные, уделяют мало внимания, было еще рано и стояла сильная жара.

Чтобы лучше достигнуть своей цели, Козимо, как будто стараясь укрыться от духоты, увел гостей в самую густую и тенистую часть своего сада. Когда все расселись, — кто на траве, которая была здесь особенно свежа, кто на скамьях под тенью огромных деревьев, — Фабрицио стал хвалить красоту места и внимательно разглядывал деревья,

но некоторые были ему неизвестны, и он затруднялся их назвать. Заметив это, Козимо сказал: «Некоторые из этих деревьев вам, может быть, незнакомы, но не удивляйтесь, так как среди них есть такие, которые больше ценились древними, а теперь мало известны». Затем он назвал деревья по именам и рассказал о том, как много потрудился над разведением этих пород дед его, Бернардо. «Я так и думал, — отвечал Фабрицио. — Это место и труды вашего предка напоминают мне некоторых князей королевства Неаполитанского, которые тоже с любовью разводили эти породы и наслаждались их тенью».

На этом он прервал разговор и некоторое время сидел в раздумьях, а затем продолжал: «Если бы я не боялся вас обидеть, я сказал бы свое мнение; не думаю, что могу вас оскорбить, так как говорю с друзьями и хочу рассуждать о вещах, а не злословить. Да не будет это никому в обиду, но лучше бы люди старались сравняться с древними в делах